

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 808.2-087

doi: 10.17223/19986645/97/1

Сохранение и трансляция памяти в региональных мемуарно-автобиографических практиках: модель описания

Светлана Владимировна Волошина¹, Татьяна Алексеевна Демешкина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *vsv1304@yandex.ru*

² *demeta@rambler.ru*

Аннотация. Предложена модель когнитивно-дискурсивного описания региональных мемуарно-автобиографических практик как способа сохранения и трансляции памяти. Проводится ее апробация на материале устных рассказов сельских жителей Сибири об одном и том же событии. Показан потенциал модели как инструмента для выявления средств репрезентации памяти. Продемонстрированы возможности разных мемуарно-автобиографических практик сохранять и транслировать память в зависимости от времени, места, цели, участников коммуникации.

Ключевые слова: память, автобиография, воспоминание, Сибирь, коллективная память, индивидуальная память, автобиографическая практика, мемуарно-автобиографические практики

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

Для цитирования: Волошина С.В., Демешкина Т.А. Сохранение и трансляция памяти в региональных мемуарно-автобиографических практиках: модель описания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 5–31. doi: 10.17223/19986645/97/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/97/1

Preservation and transmission of memory in regional memoir-autobiographical practices: A descriptive model

Svetlana V. Voloshina¹, Tatiana A. Demeshkina²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vsv1304@yandex.ru*

² *demeta@rambler.ru*

Abstract. The aim of the article is to present a model for the linguistic description of memoir-autobiographical practices as a means of preserving and transmitting memory and its implementation in the oral communication of Siberian residents. The

material for developing the model consists of more than 1000 oral autobiographical narratives and recollections by rural inhabitants of Siberia, recorded by Tomsk State University (TSU) dialectologists from 1946 to 2025 in the Middle Ob River region and housed in the Tomsk Dialect Corpus; memoirs of residents from the village of Narym, Tomsk Oblast, stored in the Narym Museum of Political Exile; and written autobiographies of rural residents. The research is conducted within the framework of a cognitive-discursive approach, as autobiographies and memoirs are considered discursive practices. The article employs corpus methods, discourse analysis, and modeling. A research model for analyzing memoir-autobiographical practices as a way of preserving and transmitting memory is proposed. It includes the following parameters: purpose, communication participants, spatiotemporal characteristics of text production, thematic organization, narrative specifics, a set of communicative strategies and tactics, conceptual frameworks, and means of linguistic representation. The application of the model is examined using texts that reflect Joseph Stalin's exile in the village of Narym. These include texts from the Tomsk Dialect Corpus and transcripts of three conversations conducted with members of the Alexeev family in July 1938, in whose house Stalin lived during his exile. Testing the model demonstrated its ability to capture common and distinctive features of memory representation in different types of memoir-autobiographical practices. The potential of various memoir-autobiographical practices to preserve and transmit memory depending on time, place, purpose, and communication participants is shown. For example, the recollections of the Alexeev family members were obtained through a single-topic-focused interview. The interviewers' goal was to obtain detailed information related to a specific person. The interviewees' goal was to recall as thoroughly as possible the fact of Stalin's stay in their house and in the village of Narym. The oral autobiographical stories and recollections recorded during dialectological expeditions were elicited at the request of collectors, whose aim was to "get the interlocutors talking," to obtain coherent narratives about their past lives, and to record dialect vocabulary. The informants' goal in this situation was to share memories, to tell about themselves. Means of representing memory in regional memoir-autobiographical practices have been identified. These include: onomastic vocabulary, vocabulary verbalizing the theme of exile and perception, vocabulary with spatial and temporal semantics, verbs in the past and historical present tense, units objectifying mnemonic processes, and others.

Keywords: memory, autobiography, recollection, Siberia, collective memory, individual memory, autobiographical practice, memoir-autobiographical practices

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

For citation: Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2025) Preservation and transmission of memory in regional memoir-autobiographical practices: A descriptive model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 5–31. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/1

Актуальность проблематики, заявленной в статье, обусловлена несколькими причинами.

Одна из причин находится в социальной сфере и обусловлена обращением рядового носителя языка к прошлому. В российском обществе конца XX – начала XXI в. проявился интерес к сохранению памяти о себе, своей

жизни, об отдельных событиях. Многие посчитали необходимым запечатлеть для истории рефлексию о пережитом (ликбез, коллективизация, войны в XX в., ссылки и переселения, репрессии, перестройка, распад СССР и т.д.), используя мемуарно-автобиографические жанровые формы. Как отмечает Ю.П. Зарецкий, «у советских людей было множество причин и поводов писать о себе, и они оставили нам миллионы воспоминаний, писем, дневников, большинство которых сегодня хранится в домашних архивах» [1. С. 21].

Второй фактор относится к технологической сфере и заключается в том, что технический прогресс и интенсивное развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI в. стали одной из причин появления новых возможностей самопрезентации современного человека, его активного погружения в виртуальное пространство, в котором он заявляет о себе, о своей жизни, деятельности, делится воспоминаниями, сочетая ранее известные способы самопредставления с новыми, обусловленными новой коммуникативной сферой.

Третий фактор лежит в собственно научной сфере, где исследователи отмечают мемориальный и автобиографический бумы [2; 3. С. 8], обусловленные, с одной стороны, интересом к обычному, простому человеку, с другой стороны, своеобразной «модой на память». Это объясняется, по мнению историков, переформатированием памяти относительно важных событий XX в., сменой поколений и уходом очевидцев, переживших драматические события XX в., что привело к повышению ценности источников, содержащих информацию об опыте уходящего поколения [3, 4].

В качестве источников сведений о прошлом широко используются устные и письменные автобиографии, воспоминания, устные интервью, относящиеся к «документам личного происхождения» и включающие как фактологическую, так и оценочную информацию [5]. Несмотря на замечания историков о субъективности, ненадежности мемуарно-автобиографических источников, в которых коллективный опыт преломляется сквозь призму индивидуального, иногда они являются единственными источниками информации о прошлом и «могут стать отправной точкой для изучения нового, неизвестного в истории какой-либо территории, места, общества» [5] и «даже возможные искажения в них оказываются свидетельством эпохи. Главное – правильно задать вопрос историческому источнику» [6].

В настоящее время мемуарно-автобиографические тексты изучаются психологами, культурологами, социологами, историками, филологами и другими учеными (более подробный обзор см. в [7]), работающими в рамках междисциплинарных отраслей знания – *memory studies* (исследования памяти), *life-writing studies* (исследования жизнеописаний), *oral history* (устная история) и *auto/biography studies* (автобиографические исследования).

Лингвисты, включаясь в междисциплинарное поле данной проблематики, акцентируют внимание не на достоверности источников личного происхождения, а на том, какими языковыми средствами они создаются, как в этих текстах репрезентируется человек, как он «закрепляет» себя в мире при

помощи текста, какие существуют способы и средства сохранения и трансляции памяти, информации о прошлом. Так, жанры воспоминания, автобиографии, дневника с начала 2000-х гг. активно исследуются в разных направлениях: как инструмент моделирования портрета языковой личности [8, 9] и реконструкции языковых особенностей личности (как правило, элитарной) [10, 11]; изучаются тематическая, гендерная организация и языковые особенности мемуарно-автобиографических текстов [12–18], их функции [19–21], коммуникативные стратегии [7, 22, 23] и концепты, реализуемые в них [24, 25], и т.д. Всё чаще появляются лингвистические исследования мемуарно-автобиографических практик, выполненные в аспекте инвентаризации форм, форматов, средств представления и трансляции индивидуальной и коллективной памяти. Так, изучаются англоязычные онлайн-воспоминания [26], англоязычные автобиографии, мемуары, онлайн-дневники [27], немецкоязычные онлайн-воспоминания очевидцев возведения и разрушения Берлинской стены [28], немецкоязычные автобиографии [29], устные воспоминания диалектоносителей о войне [30], региональная мемуарная литература [31], автобиографический роман Г. Грасса «Луковица памяти» [32] и др. Наряду с автобиографическими и мемуарными текстами в этом же аспекте анализируются и другие типы текстов, например, речи членов королевской семьи Великобритании [33].

Наблюдается большое количество лингвистических работ, посвященных изучению репрезентации процессов памяти на материале текстов разных типов: германских и российских СМИ [34]; художественных произведений [35, 36]; и др.; в зону внимания исследователей также включаются фразеологизмы, метафорические словосочетания, клише, участвующие в репрезентации концепта «Память» [37].

Многоаспектное и комплексное изучение феномена памяти в современной лингвистике обусловило выделение в качестве ее отдельного направления лингвистики памяти, в фокусе внимания которой находится анализ «форматов, способов и стратегий языковой объективации памяти» [38. С. 9]. Таким образом, необходимость описания региональных мемуарно-автобиографических практик (выявление их региональной специфики: жанровой, тематической, языковой организации) обусловлена их включенностью в междисциплинарную научную парадигму, изучающую способы концептуализации памяти и средства реализации ее в языке.

Цель данной статьи – представить модель лингвистического описания мемуарно-автобиографических практик как способа сохранения и трансляции памяти и ее реализацию в устной коммуникации жителей Сибири.

Характеристика материала

Материалом послужили более 1 000 устных автобиографических рассказов и воспоминаний сельских жителей Сибири, записанных диалектологами Томского государственного университета в течение почти 80 лет (1946–2025 гг.) на территории Томской, Кемеровской и Новосибирской областей

и размещенных в Томском диалектном корпусе [39]; воспоминания жителей с. Нарым Парабельского района Томской области, хранящиеся в Нарымском музее политической ссылки; письменные автобиографические тексты сельских жителей, не подвергавшиеся редактированию и переданные исследователям авторами текстов или их родственниками.

Корпус имеющихся в нашем распоряжении текстов может быть типологизирован и описан по разным основаниям:

- а) по форме (устный/письменный);
- б) тематике;
- в) речевому жанру (автобиографический рассказ/воспоминание);
- г) типу авторства (один и тот же / разные);
- д) принадлежности авторов к поколению (представители одного / разных поколений);
- е) их географическому положению (живущие в одном селе / разных селах).

С учётом обозначенных параметров нами выделены следующие группы текстов:

1) автобиографии разных типов, созданные одним человеком – устный автобиографический рассказ и письменный автобиографический текст, написанный с целью сохранения и трансляции памяти о себе, своей семье и адресованный детям и внукам. Например, записанный в с. Мельниково устный автобиографический рассказ бывшего учителя физики А.Ф. Назарова и его рукописная книга «История семьи», переданная в наше распоряжение самим автором [8];

2) автобиографические рассказы и воспоминания разных людей одного поколения, переживших одни и те же события XX в. К ним, в частности, относятся устные рассказы людей, родившихся в конце XIX – первой половине XX в. и переживших военное время (1941–1945 гг.) и т.п.;

3) устные и письменные автобиографические рассказы, и воспоминания жителей одного села, одного района, области и т.д. Данный тип текстов является источником изучения того, как репрезентируется региональная история, что помнят жители одного села (района/области) о событиях, происходивших на данной территории;

4) воспоминания людей разных поколений, объединенные одной темой. Например, в Томском диалектном корпусе, включающем 4 300 текстов, воспоминания о праздниках содержатся в 833 текстах, о Великой Отечественной войне – в 759, о репрессиях – в 315 текстах и т.д. Статистические данные позволяют выявить наиболее частотный круг тем, встречающихся в устных мемуарных текстах, и в перспективе исследовать их;

5) устные автобиографические рассказы и воспоминания одного человека, записанные в результате нескольких встреч с ним во время экспедиций. Подобные тексты дают возможность создать более полный речевой портрет человека [9], на основе анализа сопоставить, какие события его жизни постоянно им упоминаются, дополняются ли новыми деталями или становятся менее подробными и т.д.

Все названные типы текстов мы относим к мемуарно-автобиографическим практикам, включающим воспоминания и автобиографии или их комбинацию, при которой разграничение жанров не представляется возможным, поскольку в них присутствуют черты обоих жанров и выделяется та или иная жанровая доминанта [40].

Наша исследовательская установка заключается в том, что выделенные группы текстов выступают одним из способов сохранения и трансляции памяти, как индивидуальной, так и коллективной, и отобранные тексты являются репрезентативными источниками для изучения объективации информации о прошлом и процессов памяти.

Источниковедческая ценность материалов обусловлена ещё и тем, что часть из них содержит уникальные свидетельства людей, являющихся очевидцами драматических событий XX в., которые не могли быть эксплицированы в более раннее время из-за нежелания людей вспоминать годы репрессий, повлекших в Сибирь большие потоки «вынужденных» переселенцев, а также из-за страха вновь подвергнуться гонениям. Кроме того, длительное время в зоне внимания томских диалектологов находилась речь только носителей русского старожильского говора. Корпус русских диалектных текстов, включающих речевой жанр «мемораты о ссыльных», начал складываться лишь в XXI столетии, когда стали записываться устные воспоминания русских сибиряков о сталинском периоде советской истории [41. С. 36].

Методы исследования

Исследование материала выполняется в русле когнитивно-дискурсивного подхода, поскольку автобиографии и воспоминания мы рассматриваем как дискурсивные практики. Это позволяет вовлечь в поле анализа тексты разных типов – устные и письменные, официальные и неофициальные, спровоцированные исследователем, ситуацией и написанные по собственному желанию авторов и т.д., и ставить вопросы их изучения в связи с временем, местом их порождения, ситуацией, в которой они возникли, с учетом участников коммуникации.

В статье используются метод дискурсивного анализа, корпусные методы, методы моделирования. Сбор материала осуществлялся с помощью корпусных методов и полевых методов – интервью. Корпусные методы применяются при определении того, какие темы доминируют в коммуникации. Метод моделирования используется при разработке модели анализа.

Исследовательская модель строится с учетом параметров, имеющих коммуникативную, когнитивную, дискурсивно-жанровую, собственно лингвистическую природу, и включает в себя следующие характеристики:

1. Цель создания мемуарно-автобиографического текста. Автор текста / информант может создавать текст по собственному желанию или по просьбе родственников, исследователей, заказу социальных институтов. Соответственно, цель детерминирует наличие или отсутствие той или иной информации, репрезентирующей память.

2. Участники коммуникации: автор и адресат.

Это может быть одно лицо, в случае автокоммуникации данный параметр влияет на сохранение и трансляцию памяти в дневниковых текстах, адресованных прежде всего себе и фиксирующих переживания, чувства, связанные с прошлым опытом или переживаемыми событиями в настоящее время. Такие тексты могут включать как подробное освещение событий, так и менее детализированное, что определяется степенью вовлеченности автора в них, важностью их в его жизни и т.д.

Адресатами при записи воспоминаний, автобиографических рассказов могут выступать родственники, собиратели материала, а также другая, более широкая, аудитория и т.д. Значимость данного параметра определяется тем, что в зависимости от того, как идентифицирует себя автор (участник события, его свидетель, потомок участников или свидетелей, коренной житель или переселенец и т.д.), определяется круг тем его воспоминаний, детализация воспоминаний и используются различные средства репрезентации памяти. Фактор адресата (исследователи или потомки и др.) также влияет на содержание порождаемого текста.

3. Пространственно-временные характеристики порождения текста. Данный параметр детерминирует содержание, определяет важные, значимые события прошлого, возможность их представления в автобиографии или воспоминании с учетом контекста эпохи.

4. Тематика. Определение иерархии тем и частоты их встречаемости в тексте. Анализ воспоминаний об одном событии, времени и т.п. позволяет выявить средства их языковой репрезентации, сопоставить воспоминания разной тематики и определить общие черты и вариативность при реализации жанра воспоминания в устной речи.

5. Специфика повествования. Последовательность изложения информации зависит от того, как автор реконструирует память, как организует и переосмысляет свой жизненный путь, опыт, какие возможны способы конструирования прошлого, памяти: выстроена линейная хронология событий или информация изложена с нарушением хронологии, пропусками отдельных периодов жизни и т.п.

6. Набор коммуникативных стратегий и тактик. Он включает в себя разные стратегии: самопрезентации, умолчания, сохранения и трансляции памяти и др. Реализация той или иной стратегии определяется тематикой воспоминаний, фактором адресата, целью коммуникации, ситуацией, в которой возникает воспоминание.

7. Концепты, функционирующие в автобиографиях и воспоминаниях как один из способов сохранения и трансляции памяти. Анализ концептов важен не только для выявления средств их вербализации, но и описания обранных, ценностных доминант представления жизненного опыта, прошлого.

8. Средства языковой репрезентации прошлого и процессов памяти. Их инвентаризация предполагает выявление того, как люди сохраняют и транслируют память, какие средства участвуют в конструировании прошлого и какие маркеры обращения человека к своей памяти существуют.

Не все названные параметры могут быть применимы к любому мемуарно-автобиографическому тексту. Например, при анализе письменных воспоминаний исследователь не всегда имеет возможность эксплицировать цель их создания, если она не выражена в текстах; может отсутствовать информация об адресате, на которого рассчитан текст, о пространственно-временных характеристиках порождения текста.

Рассмотрим возможности применения модели к анализу корпуса текстов, в которых отражается одно и то же событие из прошлого – отбывание ссылки И.В. Сталиным в с. Нарым. Корпус включает мемуарно-автобиографические практики, зафиксированные на территории Томской области:

1) тексты из Томского диалектного корпуса: устные рассказы жителей с. Нарым и других сёл, записанные с 1940-х по 2020-е гг. Так, названная тема отражается в 12 текстах, зафиксированных в с. Нарым, в девяти текстах, записанных в других сёлах, находящихся недалеко от Нарыма, и в сёлах, куда переехали его бывшие жители; два автобиографических рассказа записаны в июле 2025 г. в с. Нарым автором статьи – С.В. Волошиной;

2) стенограммы бесед, проведенных с членами семьи Алексеевых в июле 1938 г. и заверенных подписью научного сотрудника партархива Новосибирского обкома ВКП(б), отражающие воспоминания Ефросиньи Ивановны Алексеевой [42], её сына Якова Агафоновича Алексеева в присутствии Е.И. Алексеевой и её дочери Анисьи Агафоновны Деевой [43], её сына Павла Агафоновича Алексеева [44], в доме которых жил И.В. Сталин во время ссылки. Беседы проводились в формате интервью, Е.И. Алексеева (хозяйка дома), А.А. Деева, Я.А. Алексеев и П.А. Алексеев отвечали на вопросы Е.И. Песикиной, В.А. Величко и Н.А. Кудрявцева в помещении школы. Эти воспоминания хранятся в Нарымском музее политической ссылки.

Выбор села обусловлен его географической, природной уникальностью (суровость климата, труднодоступность, отсутствие дорог, удаленность от транспортных магистралей, наличие болот, рек, лесов и т.д.); немаловажным является и тот факт, что на протяжении многих десятилетий Нарым являлся местом политической ссылки.

Нарым – самое старое русское поселение на территории Томской области. Оно расположено в 425 км северо-западнее Томска. Нарымский острог был основан в 1596 г.¹ Длительное время при царском режиме и советской власти Нарымский край был местом ссылки. В разное время здесь побывали известные революционеры: В.В. Куйбышев, Н.Н. Яковлев, В.М. Косарев, И.В. Сталин и другие. Свидетельства об этом содержатся в воспоминаниях и рассказах уроженцев Нарыма.

¹ Неизвестно и то, что означает слово «нарым». Оба существующих объяснения – от селкупского «нерым» – болото и от «нерым-ваг» – «город при реке» – вполне к нему подходят [45. С. 6].

В научной литературе и письменных меморатах содержатся характеристики Нарыма, осмысляемого как «ворота в ад»: «Нарымский край, как известно, ещё отождествляют с понятием “тюрьма без решёток”, придавая его истории политическую окраску. <...>. Природные особенности Нарымского края, его многочисленные болота и озёра, большие и малые реки влияли на условия расселения русских старожилов» [46. С. 4]; «Есть местная поговорка: “Бог создал рай, а черт – Нарымский край”. И правда – кого только не ссылали в эти места: декабристов и участников польских восстаний, представителей левых партий всех сортов и немало людей при Советской власти» [47]; «Чтобы выжить в нашем болотистом крае, где семь месяцев зима, где два-три месяца в году вода стоит в подполе, где летом гнус выбивает глаза, где основной предмет пропитания нужно догнать в тайге или выловить из воды, нужна не праздность, а терпение, истинное трудолюбие, смекалка» [45. С. 8].

Проанализируем имеющиеся в нашем распоряжении тексты с применением разработанных параметров.

Цель текста

Создание всех текстов было спровоцировано собирателями.

Устные воспоминания членов семьи Алексеевых были получены путем сфокусированного на одной теме, направленного интервью, целью интервьюеров было получение детальной информации, связанной с конкретным человеком. Цель интервьюируемых – вспомнить максимально подробно факт пребывания И.В. Сталина в их доме и в с. Нарым. В начале интервью с П.А. Алексеевым он сообщает: *Меня хотя и не вызывали, но я пришел сам, так как помню товарища Сталина, который жил у нас в 1912 году* [44]. Интервью, вероятно, были инициированы исследователями, и опрашиваемых специально приглашали для беседы.

Устные автобиографические рассказы и воспоминания, записанные в диалектологических экспедициях, возникали по просьбе собирателей, целью которых являлось «разговорить» собеседников, получить связные рассказы об их жизни в прошлом, зафиксировать диалектную лексику. Цель информантов в этой ситуации – поделиться воспоминаниями, рассказать о себе, своей жизни.

Создание мемуарно-автобиографических практик обоих типов отличается официальностью (или полуофициальностью) обстановки, при этом в одном случае воспоминания о Сталине были главной темой беседы, в другом – одной из тем.

Участники коммуникации

Участниками коммуникации являлись информанты (авторы) и собиратели материала (адресаты), которым были адресованы воспоминания и автобиографические рассказы.

Среди информантов выделяются очевидцы, свидетели событий, видевшие И.В. Сталина; люди, знавшие таких очевидцев; а также те, кто не был таковым, что во время записи речи информантов в диалектологических экспедициях было не принципиальным, в отличие от опроса членов семьи Алексеевых.

Для диалектологов обращение к памяти является необходимым инструментом построения диалога с информантами, «ключом» к построению коммуникации с ним. Для диалекта с его принципиально устной формой существования речевой жанр воспоминания имеет особое значение, поскольку является способом сохранения и передачи базовых ценностей народной культуры. Информантами преимущественно выступают пожилые люди, которым есть что вспомнить, чем поделиться с исследователями, как правило, более молодыми. «Именно представители старшего поколения чувствуют себя хранителями традиции и “контролерами” ее сохранения и трансляции, в наибольшей степени сосредоточенными на ее специфике, и именно они проявляют в процессах разговорного общения культурно-традиционные особенности наиболее последовательно» [48. С. 43].

Тематика

В направленных интервью, сфокусированных на одной теме, выделяются подтемы, детализирующие воспоминания членов семьи Алексеевых. Среди них:

1) внешность Сталина: *Он был среднего роста, волосы чёрные, чуб носил <...> Усы были, он был бритый [42]; Вид у него был такой – высокий был, среднего роста, волосы еришом зачесывал, бравый парень, молодой. Волосы у него были чёрные, а на лицо нельзя сказать, что черный. Усы у него были чёрные [43]; Волосы носил назад <...> Особенно мне запомнилось, что на одной щеке, левой, у него была какая-то отметинка [44];*

2) речевые особенности и высказывания: *Он хорошо по-русски говорил <...> У него выговор чудной был [42]; Он говорил по-русски, но с выговором. Хотя и по-русски говорил, но выражения другие [43]; Помню, когда мать возилась у печки с ухватами, товарищу Сталину нужно было проходить мимо неё, и он часто говорил: «Мешаю я вам, хозяйка» [44];*

3) род занятий в ссылке: *Писал, читал. Жил он не отдельно, а с товарищами [42]; Товарищ Сталин курил трубку. <...> Я помню, он разгуливался каждое утро. Встанет, умоется (рукомойник был на улице), полотенце через себя повесит, трубку закурит, волосы рукой подберет (он носил волосы назад), заложит руки за спину и разгуливается по двору. Голову он держал несколько кверху [44];*

4) отношения к людям (хозяевам, к другими ссыльным): *Он был хороший человек. Что ему нужно бывало, придёт и скажет. Он говорил нам, внушал, что борются они за то, чтобы всем было хорошо, что сейчас все берут, а потом не будут брать. <...> В разговорах он был весёлый, не грубый <...> Он ко мне хорошо относился, я белье им стирала, пол вымоешь [42];*

Он говорил, что Родюков сейчас богатый, а ты бедный. Так не должно быть. Велел учиться грамоте [43]; Часто угощал меня – если у него не было конфект, то просто сахаром угощал. Когда он получил посылку, он всех угощал – и нас, и своих товарищей [44];

5) заселение в дом Алексеевых: Было лето, в комнате маленькой никого не было, и мать сдала её ссыльному Гуляшвили (неверно произносит фамилию Джугашвили), тем более он сам сказал, что будет жить у нас недолго [44]; [С вами договаривались на счет квартиры?] Со мной. Я сказала, что у меня живут, а они сами мне сказали, ему ненадолго, товарищи сами пустили его. <...> Не с ветру же человек пришел, сразу разговоры пошли. Ну раз вам не тесно, а мне то что. Конечно, не с ветру, стало быть знакомы. Сразу стали как свои [42];

6) жизнь и быт в доме Алексеевых: За дверью к печке у него стояла кровать, в простенке стоял стол, на котором у него лежали бумаги, книги. На этом же столе он пил чай. У него на столе всегда стоял стакан с блюдцем и ложечка в стакане, коробка с табаком [44]; [А какая у него койка была: железная или деревянная?] На деревянной спал [42];

7) время пребывания в ссылке: Товарищ Сталин жил у нас недолго [44]; Недолго жил, месяца 2,5. <...> Больше не может, а меньше может быть [42]; [Вы хорошо помните, когда жил у вас товарищ Сталин: летом или зимой?] Это было летом [43]; Недолго [жил], месяца полтора-два [43];

8) обстоятельства его отъезда: Жили около Полая. Это я хорошо помню, что он из этого дома от нас уходил. <...> Он уходил летом, только день не помню [42]; Яков говорит, что отвозил, но не помнит кого. Он только теперь Сталиным стал, а тогда он был не Сталин <...> Он, мне кажется, убежал, иначе ящика бы не оставил. После него обыск был на другой день. <...> Когда он от нас пошел, простился. Сказал: «До свиданья, хозяйка» [42]; Это дело было в августе, не припомню, в какое время и какого числа, помню, это дело было под осень. Увезли мы его вечером, в сумерках на пристань, он там и остался, а мы приехали обратно <...> Он сказал, что поедет в Колпашино, а потом, может быть, вернется, а может быть, и нет <...> Ночь была тёмная, луны не было, морок был. <...> [Примерно во сколько часов вы его увезли?] Часов в 9–10 вечера <...> Одет он был в пиджак летний, длинный, на голове была фуражка. Рубашка теплая, кажется, чёрная. [Вы на чём отвезли его: на лодке или на обласке?] Однодеревка называется, я сидел на корме, брат Агафон на гребях, Иосиф Виссарионович сидел на середине. В лодке сидело три человека <...> Когда мы пришли на берег, он спросил: «Доедем?» «Доедем», – ответили мы. Сели тихонько и поехали на ту сторону. Когда мы увезли его, он нам заплатил, мы не хотели брать, но он сам дал 5 руб. [43];

9) привезенные вещи в ссылку и их судьба: Когда он от нас уходил, остался ящик после него. В ящике была сковородка, стакан с блюдцем, тарелка, чайник, книги были, газеты. А после как он ушел, обыск был. Целый год ящик стоял, я его не шевелила, всё ждала, вот приедет. А когда он пошел от меня, он сказал мне: «Хозяйка, ящик останется. Ключ у товарищей

оставляю, а потом они ключ у тебя оставляют». У Иннокентия Козьмина жил политссылный, о котором товарищ Сталин рассказывал: «Если он придёт, ему ключ не отдавайте, а если из Колпашиего придет товарищ – тому отдайте». Ящик я целый год не трогала. Когда товарищ Сталин ушел, товарищи стали из ящика книжки вытаскивать. Я им говорю: «Вот вы все книжки вытаскиваете, а хозяин придет, с меня спрашивать будет». А они мне говорят: «Ну, хозяйка, он больше не будет» <...> Ящик, который у меня остался, он был белый, а теперь я его выкрасила <...> Вещи, которые были в ящике, не сохранились. Сковородка – край выломался. Я ее отдала старухе в Ильиной. Что-нибудь будет жарить на ней [42]; Может быть, я бы и не запомнил его, если бы он не оставил свой ящик. Этот ящик стоял очень долго. Когда прошел год, мать открыла этот сундук, и там лежал серый в клетку костюм, рукава и колени у брюк были совсем пропащие. Мать перешла мне этот костюм, и я его носил. В этом ящике была посуда, я помню, там была тарелка, сковородка чугунная, маленький сковородник, все чугунные препараты были в нем [44];

10) одежда и обувь Сталина: Ходил он больше в белой рубашке <...> Одевался он по-простому, он нигде не работал [42]; Мне помнится, он ходил в сапогах, он очень мало жил. А может быть в ботинках ходил – не помню [43]; Товарищ Сталин ходил одетый в кремовую длинную рубашку, подпоясанную ремешком <...> Брюки носил серые. Несколько раз я его видел в шляпе коричневого цвета [44];

11) посылки, полученные И.В. Сталиным: В посылке, я помню, было печенье. Мать говорит, что там был виноград, но, как помню я, винограда не было [44]; Когда гостинцы привезли, угощал. Хорошо помню, что красная настойка была. Ему прислали виноград был, груши были, конфеты, пряники. Угостил он, а потом говорит: «Пусть ребята увезут меня на пристань» [42].

Рассказы, записанные в диалектологических экспедициях, содержат сведения о жизни информантов, об истории села, наводнениях в Нарыме, выращивании растений, сфере деятельности местных жителей (рыболовстве, охоте, сборе дикоросов, содержании скота), быте, климатических условиях и др. В них воспоминания о пребывании И.В. Сталина в Нарыме не являются основными.

Как уже отмечалось, в 12 воспоминаниях жителей с. Нарым находит отражение факт отбывания ссылки И.В. Сталиным (около 40 дней в 1912 г.). Информанты вспоминают:

– о факте его ссылки: «Товарищ Сталин был, но мне не пришлось его видеть: я на неводу' с мая по ноябрь был»; «Сталин тоже здесь сосланный был, но я ма'ленька тогда была, сколько мне, наверное, лет двенадцать. Да и мы не ходили куда» [39];

– семье Алексеевых и отъезде Сталина из Нарыма: «А у бабы Маши Сталин спасался. Его деверь наш спас. Сталина спасал её муж. Я Сталина не помню, какой был. Мамаша карточку показывала»; «Отес со Сталиным бабки бил в Нарыме»; «Сталин тут был, но Сталина никто не знает. Это

Сталин тут только у нас один. Яков Агафоныч Алексеев увёз его на пристань. Когда он отсюда бежал. И когда он уехал уже, это когда советская власть уже, ему установили пенсию. Он получал семьсот рублей старыми деньгами, потом семьдесят рублей. Потом он это Сталин-то что-то с ним того, и сразу пенсию эту долой. А потом обратно восстановили. И Сталин его к себе вызывал. Он поехал в Москву. Собрался, а он такой ни разу ничё. Ну такой простой совсем. Значит, доехал до Новосибирска. Идёт по улице, а в то время ещо много на лошадях ездят. Вот и женщина ехала, и чё-то у ней лошадь из оглоб, из оглоблев вышла. Он чемодан поставил, пошёл как мужик, ну помог ей там, справился. Приходит – чемодана нет. Это, вернулся обратно, не съездил к Сталину то, так и не съездил. А пенсию ему, это, потом продолжали платить. Это месяца три ему не платили, а потом, потом всё восстановили. Сам семьдесят рублей получал. Вот вы были в музее? Зайдите, он там сам должен-то где он, Сталин-то жил. Вот, это, его хозяин-то его и водил, это – сам домик его стоит. Этого Алексеева Якова Агафоныча»; «Здесь Сталин у нас в ссылке был. Сталина – ну как же? Увезли его отсюда под палаткой. В этом доме жил Яков Агафоныч, вот он и увёз-то. А жил он – через Полой вот тут он, где музей. Тут вот изба этого Якова Агафоныча была. А он у него на квартире жил. А у него на квартире там у него самовар и всё было у Сталина, и столик. Там он жил. Да он мало здесь жил! Он только всего кажется здесь неделю по'жил и всё».

В текстах освещаются вопросы быта, жизни Сталина в ссылке, сохранение и трансляция памяти о нём в селе – обращение к коммеморативным практикам: создание Нарымского музея политической ссылки, который изначально носил имя Сталина, сохранение дома, в котором он жил в Нарыме. В некоторых рассказах речь идет о музее в связи с событиями своей жизни: *Я здесь экскурсоводом в музее была, это последнее время. Хотят здесь сделать, как было во времена ссыльных; Ушёл в музей охранником, значит. [музей уже работал?] Да, год отслужил.*

Кроме того, Томский диалектный корпус содержит автобиографические рассказы и воспоминания, фиксирующие факт ссылки Сталина в Нарым, но записанные в других сёлах. В этих рассказах описывается:

– факт отбывания ссылки в Нарыме и коммеморативные практики: *Ссылны были, Сталин был в Нарыме; Из Алтайского края, к примеру, раньше ссылали сюда, вот в Нарым. Сталин там жил, в ссылке там был; И Сталин здесь был. Обратился к одному с просьбой. Он говорит: «Напиши Иво'сиф Висарио'ныч»; Памятник был ему, Сталину-то. Хороший, большой, красивый. Бюс[t] был, в протоку его свалили. Всё в музее было о ём, а потом сделали как обнаков'нный, политссылных там представили; Когда у нас колхоз организовали в тридцать первом году вперёд всех тут в Нары'мске, потом в Нарыме самом. У нас колхоз Сталина и Нарыму дали колхоз Сталина;*

– продолжительность ссылки и отъезд: *Мало здесь побыл. Месяц с каким-то мешочком. Да потом и оттартал его е'тот Алексеев;*

– внешность и одежда Сталина: *Сталин с виду обыкновенный, грузин, небольшого роста; Сталин чёрный, ручки/иши здоровы, пальти/ишиэ тако; Как взглянет на человека – так будто воровал;*

– речь: *Сталин в белом ходил, по-русски хорошо говорил;*

– факт рождения у него сына: ***Сын у него родился в Нарыме, Вася; У него здесь и ребёнок остался. Теперь уж он тоже как бы не поста'ре меня. Наверно, постарьше меня. А может быть его уж и нету.***

Таким образом, воспоминания очевидцев события, записанные в формате сфокусированного интервью, оказываются более детализированными и лишёнными какой-либо оценочности. Они представляют собой фактологическое изложение событий, максимально объективированное их описание. Появление воспоминаний о Сталине в ряду других воспоминаний или в автобиографических рассказах более позднего времени актуализировало те или иные факты, связанные с жизнью информанта, выбор которых был для говорящего свободным. В этих воспоминаниях появляется авторская интерпретация событий, в модуле эксплицирован оценочный компонент.

Пространственно-временные характеристики порождения текста

Пространство фиксации воспоминаний влияет на степень детализации/дробности описания событий. Чем более удалённым оказывается место записи от Нарыма (при условии, что информант не является уроженцем Нарыма), тем менее детальным оказывается повествование о Сталине. Оно может включать только одно высказывание, отражающее факт его ссылки. И наоборот, жители Нарыма, рассказывая о селе, упоминая его историю и ссылку И.В. Сталина, отмечают различные детали, указывая на значимые локации и приглашая их посетить.

В зависимости от времени записи воспоминаний выделяются типы автора:

а) очевидцы событий (свидетели ссылки И.В. Сталина): ***В Нарыме я Сталина видел. У нас обоз ибоквали. Так меня к ссылкем заявленне писать. Захожу – сидят четверо человек и в карты играют. Один встаёт – высокой. Говорит мне: «Вы по какому вопросу?» Я сказал, он мне и написал заявленне. Это Сталин и был (1964 г.);***

б) знавшие очевидцев, деливших с ними воспоминаниями. Так, записи, сделанные в 2025 г., по понятным причинам, содержат рассказы об очевидцах: ***Вот, который мужчина-то его как бы увёз-то на пристань, когда Сталин из ссылки-то сбегал. А я же с ним рыбачить ездил всю дорогу. Потому что он приходит и до бати, вот как наступает весна, там рыбу ловить, в сор надо было ехать. А он уже мужик был в годах. А чё он один? Ветер хватанёт в другой раз. А я был крутой, вот придёт: «Афоня, дай-ка Кольку со мной». Вот я с нём, как придурок, гребусь, сети ставим, рыбы там. [Он рассказывал вам, да, про Сталина?] Да, он всё это дело рассказывал, и как он его с сыном, с Петькой отсюда увёз, увёз на Шпалозавод, на пароход, всё это дело-то и было. Рассказывал. Но этот-то мужик был как***

бы, ой, в Бога верил, это вообще, набожный до дури <...> Богомольный до дури. Только через дверь открыл, ногу одну переступил, на колено уже упал, шапку снял и ищет, где же у тебя эти образа, и начинается <...> А он же, поди, у них, это, на фате'ре жил. Вот он, это избушка-то, в музее, вот. А эти вот они и жили-то, мать-то, Якова Агафоновича Алексева, вот он там. Иишо' Яков Агафонович чё говорил, Сталин говорил всю дорогу: «Есть люди, а есть людишки». А есть. Так оно и было [39].

Время записи влияет на выбор стратегий, применяемых автором текста, и на интерпретацию того или иного события, его оценку. Аксиологическая составляющая мемората может меняться в зависимости от периода времени: *Памятник был ему, Сталину-то. Хороший, большой, красивый. Бюс[т] был, в протоку его свалили. Всё в музее было о ём, а потом сделали как обнове'нный, политссылных там представили; Когда у нас колхоз организовали в тридцать первом году вперёд всех тут в Нары'мске, потом в Нары'ме самом. У нас колхоз Сталина и Нарыму дали колхоз Сталина.*

Специфика повествования

Интервью с членами семьи Алексеевых, структурирующие их воспоминания, представляют повествования от лица очевидцев события с использованием глаголов в форме настоящего и прошедшего времени. Ответы рассказчиков в данном случае подчинены вопросам интервьюеров. Цель сбора информации определяет диалогичность повествования, оно выстраивается вокруг одной темы и ее деталей.

Информанты, общавшиеся с собирателями материала в диалектологических экспедициях, были более свободны в выборе тем, они выстраивали события в хронологической последовательности или нарушали ее, что обусловлено спонтанным конструированием своего прошлого, отбором наиболее значимых событий, информации, которой рассказчик хочет делиться с собеседниками.

Анализируемые тексты отличаются также и модусной составляющей. В интервью семьи Алексеевых модус не эксплицируется в семантической организации высказываний. Они состоят из событийных пропозиций и отличаются объективированностью, фактологичностью. В воспоминаниях, записанных диалектологами, наряду с диктумными смыслами широко представлены модусные категории оценочного характера: *В войну ско'ко переживал, ссылку переживал. Сталин чем он ошибку сделал – война была, некого людей поставить. Он сам туда'-суда'. Тут ешо он терпеливый, до самого последнего дня под Москвой бился, жалко как человека.*

Повествования в этих автобиографических рассказах и воспоминаниях обладают своей спецификой в силу того, что авторы с позиции настоящего реконструируют события прошлого, в том числе и себя, проживающего, переживающего то время.

Во всех воспоминаниях наблюдается действие принципа совмещения в речи ситуации-темы и ситуации текущего общения, что является одной из

особенностей, присущих диалектной коммуникации [49]: *Я помню, он разгуливался каждое утро. Встанет, умывается (рукомойник был на улице), полотенце через себя повесит, трубку закурит, волосы рукой подберет (он носил волосы назад), заложит руки за спину и разгуливается по двору [44]; Потому что он приходит и до бати, вот как наступает весна, там рыбу ловить, в сор надо было ехать; Звал он меня просто мальчик. Иногда подойдет, по плечу похлопает и скажет: «Мальчик, сходи за табаком» [44].* Текст приобретает свойство перформативности, которое проявляется через глаголы.

Набор коммуникативных стратегий и тактик

Анализируемые практики демонстрируют применение различных коммуникативных стратегий, среди которых выделяются стратегии умолчания информации, позиционирования своей причастности или причастности своей семьи к событию, самопрезентации и другие.

Время фиксации воспоминаний определяет реализацию в них коммуникативных стратегий. Так, в интервью, проведенных в 1938 г., реализуется стратегия умолчания информации. Вместе с осознанием связи себя, своей семьи с историческим событием, с исторической личностью, в воспоминаниях интервьюируемых наблюдается некоторое отстранение от этой истории за счет использования отрицательной частицы «не» с разными формами глагола «помнить» и глаголов с семантикой зрительного и слухового восприятия, глагола «забыть» в форме прошедшего времени, а также ссылки на память других членов семьи, на рассказанную ими информацию: *О том, как просился к нам на квартиру товарищ Сталин, я лично сам не слышал, это я говорю, как рассказывала раньше мать. Они забыли, где он у нас жил. Он ведь очень мало жил [44]; А вот кто с ним жил, ничего не помню; Хорошо не помню, но ребята говорят, что жил; Столовая их в нашем старом доме была, дочь говорит, что помнит, а я забыла [42]; [Ваши дети хорошо помнят, как уехал товарищ Сталин?] Нет, хорошо не помнят. Яков говорит, что отвозил, но не помнит кого [42]; [А фамилию Надеждина помните?] Не помню, у меня памяти нет, я сразу же забываю [43] и др.*

Интервью отражают более позднее осознание ценности воспоминаний о Сталине, оставленных им вещей, значимости личности Сталина и знакомства с ним как важного факта личной биографии, что выражается в сожалении о несохранении памяти: *Если бы я знала, что у меня будут спрашивать, я бы записала всё, а сейчас даже стыдно говорить. Все разные приезжают, спрашивают, а мне совестно, что ничего не помню [42].*

В некоторых случаях информация может сознательно искажаться из опасения подвергнуться гонениям:

[Здесь был художник. Вы почему-то ему сказали, что возил умерший брат на обласке.]

Я не знал, для чего он спрашивает. Не знаю, думаю, может быть засады. Я и сказал, что возил другой брат Агафон, который умер, я не знал,

для чего спрашивают [43]. Вероятно, что во всех трёх интервью у опрашиваемых были опасения в связи с сообщением информации, соответственно, реконструировался образ Сталина в положительном свете и демонстрировалась собственная «забывчивость».

В интервью с членами семьи Алексеевых так же, как и в устных рассказах, записанных в экспедициях, прослеживается реализация коммуникативной стратегии позиционирования своей уникальности, причастности себя, своей семьи или своего села к «большой» истории: [Здесь больше Алексеевых не было?] **Алексеевых фамилии не найдешь по всему Нарыму, мы одни Алексеевы.** <...> *напишите самому Иосифу Виссарионовичу, пусть он сам расскажет, у кого он жил [43]; Вот который мужчина-то его как бы увёз-то на пристань, когда Сталин из ссылки-то сбежал. А я же с ним рыбачить ездил всю дорогу.* В устных рассказах, передающих опосредованное воспоминание, происходит «повышение в ранге» автора рассказа, очевидца событий, что проявляется в предельной детализации информации о нём и обстоятельство повествования: *[Он рассказывал вам, да, про Сталина?] Да, он всё это дело рассказывал, и как он его с сыном, с Петькой отсюда увёз, увёз на Шпалозавод, на пароход, всё это дело-то и было. Рассказывал. Но этот-то мужик был как бы, ой, в Бога верил, это вообще, набожный до дури. <...> Богомольный до дури. Только через дверь открыл, ногу одну переступил, на колено уже упал, шапку снял и ищет, где же у тебя эти образа, и начинается...*

Опрашиваемые в интервью, будучи местными жителями, близко общавшимися с И.В. Сталиным, используют коммуникативную стратегию убеждения в достоверности информации, построенную на опровержении слухов, полученных из недостоверных источников (*говорят, как будто бы*): **некоторые говорят, что он совсем у нас не жил, а по всем видам выходит, что жил в нашем доме. Говорят, что он жил как будто бы у Грековых, а он жил у нас. Просто как бы у кого зависть является.**

Интервьюируемые стремятся к максимальной детализации воспоминаний, описывая внешность, одежду Сталина, наполнение привезенного им ящика и его дальнейшую судьбу. Предметы, хранившиеся в ящике, содержимое посылки, образ жизни, бытовые детали являются своеобразными средствами репрезентации памяти, создающими, с одной стороны, контраст с масштабом личности Сталина, с другой стороны, представляют его обычным человеком.

Воспоминания о Сталине в Нарыме становятся не только эпизодом истории, но в большей степени также и фактом личной биографии жителей села. Для них это своеобразный «пропуск в большую историю»: воспоминания переплетаются с личными историями, политические события становятся частью жизни человека, в том числе ее бытовой, материальной стороны: *Когда прошел год, мать открыла этот сундук, и там лежал серый в клетку костюм, рукава и колени у брюк были совсем пропачие. Мать перешила мне этот костюм, и я его носил; Почему я особенно его запомнил? Я ходил для*

него в лавочку за табаком и еще ходил к купцу Щепетильникову за конфетами [44].

В устных автобиографических рассказах часто реализуется коммуникативная стратегия самопрезентации, которая проявляется в том, что говорящий указывает на свою «незаменимость» в осуществлении некоторых видов совместной деятельности: *А он [Я.А. Алексеев] уже мужик был в годах. А чё он один? Ветер хватанёт в другой раз. А я был крутой, вот придёт: «Афоня, дай-ка Кольку со мной».*

Концепты, функционирующие в автобиографиях и воспоминаниях, как один из способов сохранения и трансляции памяти

Набор жанрообразующих концептов (их количество и состав) определяется преимущественно тематикой текста. В том случае, когда в центре воспоминания находится одно событие, оно может быть концептуализировано одним концептом. В нашем материале это проявляется в воспоминаниях и автобиографиях жителей Нарыма, посвященных пребыванию И.В. Сталина в селе и актуализирующих концепт «Ссылка» через лексемы *ссылка, сосланный, ссыльный, политссыльный* и др.

Рассказы, записанные в диалектологических экспедициях, характеризуются политематичностью. В них реализуются концепты, связанные с репрезентацией мира природы и промыслов: концепты «Река», «Лес», «Зима», «Рыбалка» и другие.

Ядерным концептом для мемуарно-автобиографических практик является концепт памяти, актуализация которого может быть вариативной в воспоминаниях и автобиографических рассказах.

Средства языковой репрезентации прошлого и процессов памяти

Средства языковой репрезентации памяти можно разделить на лексико-грамматические средства, участвующие в конструировании прошлого, и средства, номинирующие мнемические процессы.

В сфокусированных интервью и устных, записанных во время экспедиционных выездов рассказах, информанты транслируют память, используя антропонимы: *баба Маша, Сталин, Вася, Иво'сиф Висарио'ныч, Алексеев, Яков Агафоныч Алексеев, Яков Агафоныч, Петька*, топонимы: *Нарым, Шпалозавод*, номинации значимых бытовых предметов, вещей: *ящик, чемодан* [с которым Сталин приехал в Нарым], *самовар, столик, рубашка, брюки, шляпа* и др. и мест: *музей, квартира, пристань, фатера, избушка*, способа бегства из ссылки: *увёз его на пристань, увезли его под палаткой, увёз на Шпалозавод, на пароход.*

Отметим, что в интервью с членами семьи Алексеевых, непосредственно взаимодействовавших со Сталиным, отражается «фотографическое», подробное описание, что объясняется, с одной стороны, целью, которую преследовали интервьюеры, с другой стороны, это совпадает и с целью информантов, старавшихся поделиться воспоминаниями максимально подробно.

Трансляция памяти осуществляется также с помощью лексики с семантикой перцептивного (зрительного) восприятия, усиливающей достоверность информации: *Несколько раз я его видел в шляпе коричневого цвета. Эту же функцию выполняют высказывания, включающие ссылку на источник информации: Сталина-то помню я, девки; В Нарыме я Сталина видел. У нас обоз ибокрала. Так меня к ссыльным заявленье писать. Захожу – сидят четверо человек и в карты играют. Один встаёт – высокой. Говорит мне: «Вы по какому вопросу?» Я сказал, он мне и написал заявленье. Это Сталин и был; Мой отец родился в Парабели. Прадед был политический ссыльный, знал Сталина. Отец гонял ямщину, всегда возил всех и Сталина; Лет пять жил дед, помогал Сталину бежать на обласке.*

Несмотря на спровоцированность автобиографических рассказов, воспоминаний, структурированность интервью и рамки, заданные интервьюерами, анализируемые тексты выстраиваются по законам естественной коммуникации, в них широко представлена диалектная лексика, также участвующая в репрезентации памяти: *обласок, одnodеревка, фатера, морок, сор* и др.

Воспоминания объективируются при помощи слов темпоральной семантики: *неделю, летом, в августе, под осень* и др.

Грамматическими репрезентантами памяти являются глаголы в форме прошедшего времени, настоящего и будущего времени в значении прошедшего: *был, говорил, видел, говорит, захожу, вымоешь* и др.

Для обозначения времени на синтаксическом уровне используются различные высказывания, описывающие события личной жизни говорящего, периоды в жизни страны: *я ма'ленька тогда была, сколько мне, наверное, лет двенадцать; когда советская власть уже [была]; глаголы в форме прошедшего времени: был, спасался, пожил* и др.

Память о Сталине передается также при помощи цитирования, обращения к чужой речи, передающей речь Сталина: *Иишо' Яков Агафонович чё говорил, Сталин говорил всю дорогу: «Есть люди, а есть людишки».*

Обращение к памяти провоцирует использование большого количества единиц лексико-семантического поля «Память», номинирующих мнемические процессы: *память, помнить, забыть, помнится* и др. Очевидцы событий маркируют воспоминания наряду с отрицанием (*не помню*) лексемами *помню, помнится*, высказываниями *как щас помню*, придающими также достоверность сообщаемой информации. Вместе с тем информанты, не видевшие лично Сталина, указывают на то, что о факте ссылки они знают, но лично свидетелями не были: *Я Сталина не помню, какой был; Сталин тут был, но Сталина никто не знает; но я ма'ленька тогда была; но мне не пришлось его видеть.* Получив сведения от других, информанты маркируют высказывания средствами неуверенности в сообщаемом: *Теперь уж он тоже как бы не поста'ре меня. Наверно, постарьше меня. А может быть его уж и нету.* «Истории из жизни “вождя народов” в этот период обрастали подробностями, становились легендами» [50. С. 124].

Итак, лингвистическое описание способов и средств репрезентации сохранения и трансляции памяти может быть осуществлено при помощи модели, включающей следующие параметры: цель, участники коммуникации, пространственно-временные характеристики порождения текста, тематическая организация, специфика повествования, набор коммуникативных стратегий и тактик, концепты, средства языковой репрезентации. Реализация этой модели при анализе мемуарно-автобиографических текстов, созданных в разных условиях, показывает ее многомерность, объемность, способность фиксировать общие и отличительные черты репрезентации в них памяти.

Средствами, репрезентирующими память, в региональных мемуарно-автобиографических практиках выступает онимическая лексика, лексика, вербализующая тему ссылки, восприятия, глаголы в форме прошедшего и настоящего исторического времени, конструкции с чужой речью и единицы, объективирующие мнемические процессы.

Список источников

1. Зарецкий Ю.П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // Эго-документы : Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под ред. М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва ; Екатеринбург, 2021. С. 6–28.
2. Божков О.Б. От биографий к свидетельствам «очевидцев» // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1 (30). С. 6–11.
3. Сафронова Ю., Колоницкий Б., Кром М., Миллер А. Теория и методология истории: междисциплинарные подходы: направления подгот. 46.03.01 «История», 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», 46.03.04 «Археология», 48.03.01 «Теология»: онлайн-курс // Лекториум. 2020. URL: <https://www.lektorium.tv/theory-of-history#rec228164458> (дата обращения: 12.07.2025).
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Щеглова Т.К. Устная история // Библиотека здоровья и саморазвития. [Б. м.], 2023. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69099/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 05.07.2025).
6. Кинёв С.Л. Советские автобиографии, написанные при трудоустройстве, как исторический источник : (на материале 1930-х – начала 1940-х гг.) // Библиотеки Сибирского краеведения. Новосибирск, 2023. URL: <http://bsk.nios.ru/content/sovetskie-avtobiografii-napisannye-pri-trudoustroystve-kak-istoricheskiy-istochnik-na> (дата обращения: 28.04.2023).
7. Волошина С.В. Русские автобиографические практики XX–XXI вв.: когнитивно-дискурсивный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 44 с.
8. Волошина С.В., Шевчик А.В. Фрагмент речевого портрета жителя современного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 20–32.
9. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) // Русин. 2021. № 63. С. 241–268.
10. Звонарева Ю.В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 23 с.
11. Савельева Е.Б. Образ автора в автобиографическом тексте // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5 (68). С. 169–172.

12. Пыстина О.В. Тематическая структура автобиографического дискурса: тема дороги // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3–2. С. 115–119.

13. Леонтьева Т.В. Автобиографические мемораты о детстве (по письмам Шурыгиной Таисии Ивановны, уроженки и жительницы деревни Плосково Костромской области) // Мир Евразии. 2016. № 3 (34). С. 38–43.

14. Лебедева Л.Б., Лепустина Л.В. Функции метафоры в автобиографическом дискурсе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. № 9. С. 219–227.

15. Кованова Е.А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.

16. Толстова М.А. Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 24 с.

17. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 21 с.

18. Костина Л.Ю. Тематическая специфика воспоминаний о матери (на материале устных рассказов носителя кубанских говоров) // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф., Москва, 25–27 октября 2024 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 126–128.

19. Ребрина Л.Н. Автобиографическая память как дискурсивный феномен (на материале немецкого языка) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 4. С. 141–152.

20. Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе : (на материале русской и английской биографической прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 22 с.

21. Волошина С.В. Дидактическая функция автобиографического рассказа (на диалектном материале) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 25. С. 38–54.

22. Чертенкова И.В. Речевая стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации : материалы симп. XV (XLVII) Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 45-летию Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2020. Вып. 21. С. 146–149.

23. Лапто М.А. Элитарная и среднелитературная языковые личности: стратегии компенсации в автобиографическом дискурсе // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 3. С. 12–19.

24. Белобородова И.В. Концепт «Цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000. 26 с.

25. Поведская О.А. Концепт «Спортивный врач» в автобиографическом дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2 (54). С. 163–172.

26. Тивьяева И.В. Языковые формы объективации индивидуальной и коллективной памяти в пространстве виртуальной коммуникации // Полилингвальность современной культуры : сб. ст. Междунар. науч. конф. в рамках I Международного научно-образовательного форума «Филологическая наука и образование в Кузбассе», Кемерово, 28–29 сентября 2022 года. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. С. 380–385.

27. Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–315.

28. Василевская А.А. Вербализация ретроспективной и перспективной памяти на материале трансмедийного немецкого проекта «Zeitzeugenmemorial» // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 4 (64). URL: <https://rulb.org/archive/4-64-2025-april/10.60797/RULB.2025.64.8> (дата обращения: 29.07.2025).

29. Молчанова А.С. Память в пространстве языка: образы памяти (на материале немецкоязычных автобиографий) // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 16. С. 176–180.
30. Большакова Н.В., Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Коммуникативные стратегии в жанре воспоминаний о войне (на материале устных рассказов псковских диалектоносителей) // Мир русского слова. 2025. № 1. С. 15–23.
31. Демешкина Т.А. «Поколенческий сюжет» в автобиографическом дискурсе // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф. к 100-летию С.В. Бромлей и О.Н. Мораховской, Москва, 29–31 октября 2021 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С. 64–66.
32. Стасевич Ю.Ю. Культурная память в автобиографическом романе Гюнтера Грасса «Луковица памяти» // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 11 (59). URL: <https://rulb.org/archive/11-59-2024-november/10.60797/RULB.2024.59.9> (дата обращения: 30.07.2025)
33. Вишнякова О.Д., Мартюшова Н.О. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8, № 3. С. 3–19.
34. Шамне Н.Л., Ребрина Л.Н. Репрезентация феномена памяти глагольными коллокациями памяти в германских и российских СМИ // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 137–149.
35. Исакова Р.Ф. Языковая репрезентация мнемических процессов: темпоральный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 310–313.
36. Баранчеева Е.И. Особенности вербализации процессов памяти: лексикографические рамки и дискурсивная репрезентация // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (20). С. 114–123.
37. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М. : Языки славянских культур, 2007. 520 с.
38. Тивьяева И.В. Исследования языка памяти: опыт и перспективы // Езиков свят. 2021. Т. 19, № 2. С. 7–14.
39. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2025. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 05.06.2025).
40. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
41. Фельде О.В., Смирнов Е.С., Васильев В.К. Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста / под общей ред. О.В. Фельде. Красноярск : Амальгама, 2022. 304 с.
42. Стенограмма беседы с Е.И. Алексеевой // Научный архив ТОКМ НМПС 99. Л. 71–77.
43. Стенограмма беседы с Я.А. Алексеевым // Научный архив ТОКМ НМПС 99. Л. 78–82.
44. Стенограмма беседы с П.А. Алексеевым. Томск, 2025. URL: <https://tomskmuseum.ru/nmps/nvtarymznns/npsvin/narym-1938-god-stenogrammy/> (дата обращения: 21.07.2025).
45. Зиновьев В.П. Город Нарым (водотопное место) // Сибирская старина: краеведческий альманах. 1994. № 7 (12). С. 6–8.
46. Аминова Т.В. Истоки. «Семейный альбом» жителей нарымских деревень / науч. ред. А.Г. Тучков. Томск : Новые печатные технологии, 2016. 108 с.
47. Парабельский район // Сибиряки вольные и невольные. Томск, 2025. URL: <https://siberians.online/documents/parabelskii-raion-1258> (дата обращения: 21.07.2025).

48. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

49. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

50. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 122–126.

References

1. Zaretskiy, Yu.P. (2021) Ego-dokumenty sovetskogo vremeni (iz issledovatel'skogo opyta), ili Vstupitel'noe slovo [Ego-documents of the Soviet era (from research experience), or Introductory remarks]. In: Litovskaya, M.A. & Surzhikova, N.V. (eds) *Ego-dokumenty: Rossiya pervoy poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh* [Ego-Documents: Russia of the first half of the 20th century in intersource dialogues]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. pp. 6–28.

2. Bozhkov, O.B. (2018) Ot biografii k svidetel'stvam "ochevidtsev" [From biographies to eyewitness accounts]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1 (30). pp. 6–11.

3. Safronova, Yu. et al. (2020) Teoriya i metodologiya istorii: mezhdistitsiplinarnye podkhody: napravleniya podgot. 46.03.01 "Istoriya", 46.03.02 "Dokumentovedenie i arkhivovedenie", 46.03.04 "Arkheologiya", 48.03.01 "Teologiya": onlayn-kurs [Theory and Methodology of History: Interdisciplinary approaches: program tracks 46.03.01 History, 46.03.02 Document Science and Archival Science, 46.03.04 Archaeology, 48.03.01 Theology: online course]. *Lektorium*. [Online] Available from: <https://www.lektorium.tv/theory-of-history#rec228164458> (Accessed: 12.07.2025).

4. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

5. Shcheglova, T.K. (2023) Ustnaya istoriya [Oral History]. *Biblioteka zdorov'ya i samorazvitiya* [Library of Health and Self-Development]. [Online] Available from: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69099/chitat_knigu.shtml (Accessed: 05.07.2025).

6. Kinev, S.L. (2023) Sovetskie avtobiografii, napisannye pri trudoustroystve, kak istoricheskiy istochnik: (na materiale 1930-kh – nachala 1940-kh gg.) [Soviet autobiographies written during the process of employment as a historical source: (based on the 1930s – early 1940s)]. *Biblioteka Sibirskogo kraevedeniya* [A Library of Siberian Local History]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/sovetskie-avtobiografii-napisannye-pri-trudoustroystve-kak-istoricheskiy-istochnik-na> (Accessed: 28.04.2023).

7. Voloshina, S.V. (2024) *Russkie avtobiograficheskie praktiki XX–XXI vv.: kognitivno-diskursivnyy aspekt* [Russian autobiographical practices of the 20th – 21st centuries: cognitive-discursive aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.

8. Voloshina, S.V. & Shevchik, A.V. (2018) Fragment rechevogo portreta zhitelya sovremennogo rossiyskogo sela [A fragment of a speech portrait of a resident of a modern Russian village]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 3 (14). pp. 20–32.

9. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction). *Rusin*. 63. pp. 241–268. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/63/13

10. Zvonareva, Yu.V. (2013) *Lingvisticheskie sredstva identifikatsii lichnosti v literaturnoy avtobiografii* [Linguistic means of personal identification in literary autobiography]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

11. Savel'eva, E.B. (2015) *Obraz avtora v avtobiograficheskom tekste* [The image of the author in an autobiographical text]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5 (68). pp. 169–172.
12. Pystina, O.V. (2008) *Tematicheskaya struktura avtobiograficheskogo diskursa: tema dorogi* [Thematic structure of autobiographical discourse: the theme of the road]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. 3–2. pp. 115–119.
13. Leont'eva, T.V. (2016) *Avtobiograficheskie memoraty o detstve (po pis'mam Shuryginoy Taisii Ivanovny, urozhnki i zhitel'nitsy derevni Ploskovo Kostromskoy oblasti)* [Autobiographical memorabilia about childhood (based on the letters of Taisiya Ivanovna Shurygina, a native and resident of the village of Ploskovo, Kostroma region)]. *Mir Evrazii*. 3 (34). pp. 38–43.
14. Lebedeva, L.B. & Lepustina, L.V. (2013) *Funktsii metafory v avtobiograficheskom diskurse* [Functions of metaphor in autobiographical discourse]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 9. pp. 219–227.
15. Kovanova, E.A. (2005) *Ritorika avtobiograficheskogo diskursa (na materiale avtobiografy amerikanskikh deyateley politiki i iskusstva)* [Rhetoric of autobiographical discourse (based on the autobiographies of American political and artistic figures)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
16. Tolstova, M.A. (2020) *Realizatsiya gendernykh predstavleniy v zhenskom dialektnom diskurse (na materiale avtobiograficheskikh rasskazov)* [Implementation of gender representations in women's dialectal discourse (based on autobiographical stories)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
17. Novikova, E.G. (2005) *Yazykovye osobennosti organizatsii tekstov klassicheskogo i setevogo dnevnikov* [Linguistic features of the organization of texts in Classic and Online Diaries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
18. Kostina, L.Yu. (2024) [Thematic specificity of memories of mother (based on oral stories of a speaker of Kuban dialects)]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Actual Problems of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 25–27 October 2024. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. pp. 126–128. (In Russian).
19. Rebrina, L.N. (2014) *Avtobiograficheskaya pamyat' kak diskursivnyy fenomen (na materiale nemetskogo yazyka)* [Autobiographical memory as a discursive phenomenon (based on the German language)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4 (1). pp. 141–152.
20. Dauletova, V.A. (2004) *Verbal'nye sredstva sozdaniya avtoimidzha v politicheskom diskurse: (na materiale russkoy i angliyskoy biograficheskoy prozy)* [Verbal means of creating an auto-image in political discourse: (based on Russian and English biographical prose)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
21. Voloshina, S.V. (2021) *The didactic function of the autobiographical story (on the dialect material). Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 25. pp. 38–54. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/25/3
22. Chertenkova, I.V. (2020) [Speech strategy of self-presentation in autobiographical discourse]. *Filologiya, inostrannye yazyki i mediakommunikatsii* [Philology, Foreign Languages and Media Communications]. Proceedings of the Symposium of the 15th (47th) International Conference. Vol. 21. Kemerovo. 01–30 April 2020. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 146–149. (In Russian).
23. Lappo, M.A. (2014) *Elitarnaya i sredneliteraturnaya yazykovye lichnosti: strategii kompensatsii v avtobiograficheskom diskurse* [Elite and average literary linguistic personalities: compensation strategies in autobiographical discourse]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*. 3. pp. 12–19.

24. Beloborodova, I.V. (2000) *Kontsept "Tsvet" v lingvokognitivnom aspekte (na materiale avtobiograficheskoy prozy)* [The concept "color" in the linguocognitive aspect (based on autobiographical prose)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Taganrog.
25. Povetskaya, O.A. (2021) Kontsept "Sportivnyy vrach" v avtobiograficheskom disкурсе [The concept of "sports doctor" in autobiographical discourse]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (54). pp. 163–172.
26. Tiv'yaeva, I.V. (2022) [Linguistic forms of objectification of individual and collective memory in the space of virtual communication]. *Polilingval'nost' sovremennoy kul'tury* [Polylingualism of Modern Culture]. Proceedings of the International Conference as Part of the 1st International Forum Filologicheskaya nauka i obrazovanie v Kuzbasse [Philological Research and Education in Kuzbass]. Kemerovo. 28–29 September 2022. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 380–385. (In Russian).
27. Tiv'yaeva, I.V. (2020) Strukturnaya organizatsiya mnemicheskogo narrativa [Structural organization of mnemonic narrative]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 303–315.
28. Vasilevskaya, A.A. (2025) Verbalizatsiya retrospektivnoy i prospektivnoy pamyati na materiale transmediynogo nemetskogo proekta "Zeitzeugenmemorial" [Verbalization of retrospective and prospective memory based on the transmedia German project "Zeitzeugenmemorial"]. *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten'*. 4 (64). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/4-64-2025-april/10.60797/RULB.2025.64.8> (Accessed: 29.07.2025)
29. Molchanova, A.S. (2015) Pamyat' v prostranstve yazyka: obrazy pamyati (na materiale nemetskoyazychnykh avtobiografiy) [Memory in the space of language: images of memory (based on German-language autobiographies)]. *Yazyk i kul'tura*. 16. pp. 176–180.
30. Bol'shakova, N.V., Vorob'eva, L.B. & Mitchenko, Z.V. (2025) Kommunikativnye strategii v zhanre vospominaniy o voyne (na materiale ustnykh rasskazov pskovskikh dialektonositeley) [Communicative strategies in the genre of war memories (based on oral stories of Pskov dialect speakers)]. *Mir russkogo slova*. 1. pp. 15–23.
31. Demeshkina, T.A. (2021) ["The generational plot" in autobiographical discourse]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Actual Problems of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 29–31 October 2021. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS. pp. 64–66. (In Russian).
32. Stasevich, Yu.Yu. (2024) Kul'turnaya pamyat' v avtobiograficheskom romane Gyuntera Grassa "Lukovitsa pamyati" [Cultural memory in Günter Grass's autobiographical novel "The Onion of Memory"]. *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten'*. 11 (59). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/11-59-2024-november/10.60797/RULB.2024.59.9> (Accessed: 30.07.2025)
33. Vishnyakova, O.D. & Martyushova, N.O. (2022) Kollektivnaya pamyat' o proshedshikh sobytiyakh v lingvisticheskom osveshchenii: opyt analiza rechey chlenov korolevskoy sem'i Velikobritanii [Collective memory of past events in linguistic coverage: an analysis of speeches by members of the British royal family]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. 3 (8). pp. 3–19.
34. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2016) Reprezentatsiya fenomena pamyati glagol'nymi kollokatsiyami pamyati v germanskikh i rossiyskikh SMI [Representation of the phenomenon of memory by verb collocations of memory in German and Russian media]. *Nauchnyy dialog*. 2 (50). pp. 137–149.
35. Iskhakova, R.F. (2018) Yazykovaya reprezentatsiya mnemicheskikh protsessov: temporal'nyy aspekt [Linguistic representation of mnemonic processes: the temporal aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2 (90). pp. 310–313.
36. Barancheva, E.I. (2014) Osobennosti verbalizatsii protsessov pamyati: leksikograficheskie ramki i diskursivnaya reprezentatsiya [Features of the verbalization of memory processes: lexicographic framework and discursive representation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (20). pp. 114–123.

37. Bragina, N.G. (2007) *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in Language and Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
38. Tiv'yaeva, I.V. (2021) Issledovaniya yazyka pamyati: opyt i perspektivy [Studies of the language of memory: experience and prospects]. *Ezikov svyat.* 2 (19). pp. 7–14.
39. Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University]. (2025) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (Accessed: 05.06.2025).
40. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of autobiographical narrative in dialectal communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
41. Fel'de, O.V., Smirnov, E.S. & Vasil'ev, V.K. (2022) *Yazyk i kul'tura Severnogo Priangarya v zerkale ustnogo teksta* [Language and Culture of the Northern Angara Region in the Mirror of the Oral Text]. Krasnoyarsk: Amalgama.
42. Scientific archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore NMPS 99. Pages 71–77. *Stenogramma besedy s E.I. Alekseevym* [Transcript of an interview with E.I. Alekseev].
43. Scientific archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore NMPS 99. Pages 78–82. *Stenogramma besedy s Ya.A. Alekseevym* [Transcript of an interview with Ya.A. Alekseev].
44. Tomskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Tomsk Regional Museum of Local Lore] (2025) *Stenogramma besedy s P.A. Alekseevym* [Transcript of a conversation with P.A. Alekseev]. [Online] Available from: <https://tomskmuseum.ru/nmps/nvtarymzn/npsvin/narym-1938-god-stenogrammy/> (Accessed: 21.07.2025).
45. Zinov'ev, V.P. (1994) Gorod Narym (vodotopnoe mesto) [The town of Narym (a water flood site)]. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh.* 7 (12). pp. 6–8.
46. Aminova, T.V. (2016) *Istoki. "Semeynyy al'bom" zhiteley narymskikh dereven'* [Origins. "Family album" of residents of Narym villages]. Tomsk: Novye pechatnye tekhnologii.
47. Sibiryaki vol'nye i nevol'nye [Siberians, Free and Forced]. (2025) *Parabel'skiy rayon* [Parabelsky District]. [Online] Available from: <https://siberians.online/documents/parabelskii-raion-1258> (Accessed: 21.07.2025).
48. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 50. pp. 36–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/50/3
49. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
50. Demeshkina, T.A. (2022) Kul'turno-yazykovoy landschaft transgranichnogo regiona: vozmozhnosti opisaniya [Cultural and linguistic landscape of a transboundary region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii.* 7. pp. 122–126.

Информация об авторах:

Волошина С.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Voloshina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

T.A. Demeshkina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2025;
одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*